

В.В. Дементьева

ПРОВЕДЕНИЕ РИМСКИМ ИНТЕРРЕКСОМ КОНСУЛЬСКИХ ВЫБОРОВ¹

Римский институт *interregnum* предназначался в республиканской конституции для критических ситуаций нарушения преемственности высшей исполнительной власти. Двумя его основными звеньями были, во-первых, *patres*, выступавшие в роли коллективного носителя верховных полномочий управления общиной и избирательной коллегии для экстраординарного магистрата, и, во-вторых, сам этот чрезвычайный магистрат, сменявшийся каждые пять дней, – *interrex*. Целью введения института междуцарствия и главной задачей интеррекса в период республики было осуществление консульских выборов для восстановления обычного порядка государственного управления. Проведение этих выборов регламентировалось (как вообще весь механизм функционирования института *interregnum*) традиционными нормами, одна из которых чаще всего определяется исследователями как запрет для первого интеррекса осуществлять руководство консульскими комициями. Рассмотрим для начала, что представлял собой этот запрет.

По свидетельству Аскония, не было обычая, чтобы провозглашенный первым интеррекс проводил выборные комиции². Тит Ливий постоянно отмечает избрание консулов во время междуцарствия под руководством второго и последующих интеррексов (Liv. VI. 5. 6; VIII. 17. 5; X. 11. 10 и др.), и это выглядит нормой политической практики. Учитывая, что институт *interregnum* появился еще до консулов, соответствующее правило в более общем виде формулируется так: первый интеррекс не председательствовал на избирательных собраниях. Известны, однако, два исключения. При первом интеррексе избрали царя Тулла Гостилия (Dionys. III. 1. 1) и диктатора Суллу (App. BC. I. 98–99). Поскольку одно из этих исключений относится к реконструкции раннеархаических времен, а второе к нестандартной ситуации избрания через интеррекса диктатора, то их наличие не меняет представлений исследователей (по большей части о них и не упоминающих) о том, что первый интеррекс не имел права проводить выборы. Проблема же для историков всегда состояла в том, чтобы найти не вызывавшему у них сомнения запрету приемлемое объяснение. Первым, кто попытался сделать это, был Т. Моммзен, гипотеза которого по данному поводу долгое время оставалась в историографии единственной. Она сводилась к тому, что первый интеррекс не мог провести консульские выборы, так как назначался без необходимых ауспиций. Второй и последующие интеррексы занимали должность после предварительных птицегаданий, проведенных их предшественниками, поэтому были правомочны сами совершать ауспиции для кандидатов в консулы³. Объяснение Моммзена

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Римское республиканское междуцарствие как политический институт», разрабатываемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 98-01-00344). Сразу отметим, что русское слово «междуцарствие» употребляется нами лишь в качестве кальки латинского слова «*interregnum*».

² Asc. P. 37 (Pro Mil.): «Non fuit autem moris ab eo qui primus interrex proditus erat comitia haberi».

³ Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrecht. Lpz, 1893. S. 104.

имеет весьма уязвимые места, независимо от того, каким путем логических рассуждений мы будем идти.

В любом случае в качестве исходного тезиса мы должны принять существование следующей нормы: *patres*, к которым ауспicii возвращались с наступлением междуцарствия (Сic. Ер. ad Brut. I. 5. 4), обладая ими коллективно, коллективно проводить их не могли – это делалось индивидуально одним из них. При первом варианте дальнейших рассуждений будем считать, что в данной роли мог выступать каждый их представитель.

В таком случае, во-первых, не понятно, почему для первого интеррекса птицегадания не мог также проводить один из *patres*. Если *patres* могли делегировать свое (коллективно им принадлежавшее) право ауспicii первому интеррексу, то почему они не могли поручить кому-либо провести их в отношении также и его самого? Во-вторых, и это главное, практика отставок консулов, избранных огрешно с точки зрения авгугов⁴, т.е. при нарушениях в предварительных птицегаданиях, свидетельствует, что консул, избранный при неверных ауспicii, не мог провести таковые в отношении преемника. Не менее показательны и сложения полномочий в подобных ситуациях диктатором *comitiorum habendorum causa*, целью назначения которого как раз и было проведение консульских выборов, что оказывалось невозможным из-за ошибок в ауспicii перед его провозглашением. Таким образом, в Риме действовала сакрально-правовая норма политической жизни: только объявленный после безошибочных ауспicii магистрат мог руководить выборами другого высшего должностного лица (т.е. в первую очередь совершать в отношении его птицегадания). Отсюда следует, что если признать назначение первого интеррекса вообще без ауспicii, то выглядит не только не логичным, но и не вполне правомерным проведение ауспicii им самим.

Возможна и иная цепочка рассуждений. *Patres* – коллективные носители ауспicii, но совершать их индивидуально мог не просто один из них, а обязательно магистрат (в данном чрезвычайном случае – *interrex*). Поэтому, покуда не было назначенного интеррекса, ауспicii не совершались. Он же проводил птицегадания в отношении второго интеррекса на том основании, что являлся представителем *patres* и магистратом в одном лице. Иначе говоря, он обладал правом ауспicii не на основе делегирования этого права от *patres* (как это было в случае избрания магистрата на центуриатных комициях и наделения его империем и ауспicii на куриатных), а «по природе»: будучи одним из «отцов», он являлся естественным носителем ауспicii. Можно исходить из этого и утверждать, что в отношении первого интеррекса ауспicii не проводились, но и в данном случае гипотеза Т. Моммзена о запрете для первого интеррекса руководить избирательными комициями, зыбка. Ибо тогда не ясно, почему первый интеррекс мог провести ауспicii для преемника, но не мог этого сделать для кандидата в консулы. Основываясь лишь на отсутствии предварительных птицегаданий для первого междуцаря, это различие невозможно объяснить.

Представив два возможных варианта логических рассуждений, отметим, что мы все же склоняемся к первому из них, так как Тит Ливий определяет назначение интеррекса *patres* как осуществлявшееся *auspicato*. Причем патриции проводили ауспicii по поводу первого интеррекса будучи частными лицами (*et privatim auspicia habeamus* – Liv. VI. 41. 6), а не магистратами, что подрывает главную посылку второго варианта рассмотрения вопроса (будто ауспicii мог совершать не просто один из *patres*, а непременно магистрат). Однако, по нашему мнению, независимо от того, совершались ли птицегадания в отношении первого интеррекса или нет, сам он был правомочен осуществлять ауспicii по кандидатурам на консульскую должность, ибо в принципе был наделен правом их проведения (о чем, без сомнения, свидетельствует реализация этого права при назначении преемника). Право общественных ауспicii,

⁴ См. Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 46 слл.

если оно имелось у определенного должностного лица, могло использоваться им по любому государственному поводу. Быть наделенным этим правом «наполовину» магистрат не мог.

Несмотря на слабые места в аргументации, точка зрения Моммзена, что первый интеррекс не мог проводить консульские выборы, поскольку сам назначался без ауспий, была воспринята историками как XIX, так и XX века. Его мнения придерживались Э. Херцог⁵, О. Карлова⁶, И.В. Нетушил⁷, Х. Скаллард⁸, Е. Фризер⁹, Е. Линдерски¹⁰, Г. Радке¹¹. Первым в правоте Моммзена в трактовке рассматриваемого обычая усомнился У. фон Любтов, предложивший свое видение его причин¹². Развивая теорию о том, что *interregnum* возник не в царский период, а после изгнания последнего царя и просуществовал год в качестве переходной ступени к республиканскому устройству¹³, он считал, что сама идея этого института основывалась на большом числе интерреков. Будучи, в его представлении, поначалу годичной магистратурой, должность интеррекса каждые пять дней замещалась новым лицом, и таких лиц неизбежно должно было быть много (целью столь частой смены было, на его взгляд, стремление аристократии избежать узурпации власти одним из ее представителей). Эта «идея большого числа интерреков» была затем сохранена в собственно республиканской государственной системе, когда *interregnum* превратился в чрезвычайный способ восстановления консулата, и обусловила появление при каждом междуцарствии как минимум двух интерреков. Поскольку мы вслед за античной традицией признаем временем возникновения рассматриваемого института эпоху первых царей, то не можем (как, вероятно, и другие исследователи, стоящие на данной точке зрения) принять объяснение У. фон Любтова.

Иной взгляд на решение данного вопроса высказал Й. Ян, относивший появление института междуцарствия к эпохе ранней римской архаики¹⁴. Отталкиваясь от связи *interregnum* с обычаем бегства царя (*regifugium*), этот исследователь видел причины запрета на проведение первым интерреком консульских выборов в древнейших верованиях. Бегство царя связывалось с фазами луны и приходилось на конец лунного года, последний месяц которого – февраль – был для римлян месяцем искупления, очищения и смерти. Интеррекс, заменявший царя на период его ритуального бегства, был как бы «господином во время смерти»¹⁵, а потому не имел властных полномочий (с этим, кстати, Й. Ян связывал и то, что даже в поздний период существования института *interregnum* фаски в начальный момент междуцарствия находились в роще храма богини смерти Либитины). По интерпретации Й. Яна, в дальнейшем, когда *interregnum* стал политическим институтом, сохранилось представление, что первый интеррекс не имеет должной власти, – это и проявилось в запрете для него руководить консульскими выборами. Соглашаясь с признанием исходной связи обряда *regifugium* и института *interregnum*, мы все-таки не видим в изложении Й. Яна реальных доказательств того, что интеррекс, назначавшийся на период ритуального бегства царя, не

⁵ Herzog E. Das Institut des Interregnums im System der römischen Staatsverfassung // *Philologus*. 1876. Bd 34. S. 504.

⁶ Karlowa O. *Römische Rechtsgeschichte*. Bd I. Lpz, 1885. S. 45.

⁷ Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 167.

⁸ Scullard H.H. *Roman politics*. 220–150. B.C. Oxf., 1951. P. 49.

⁹ Friezer E. *Interregnum and patrum auctoritas* // *Mnemosyne*. 1959. Ser. IV. V. XII. Fasc. 4. P. 301.

¹⁰ Lindersky J. *The Auspices and the Struggle of the Orders* // *Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik*. Stuttgart, 1990. P. 38.

¹¹ Radke G. *Fasti Romani. Betrachtungen zur Frühgeschichte des römischen Kalenders*. Aschendorf – Münster, 1990. S. 53.

¹² Lübtow U. von. *Das Römische Volk*. Frankfurt am Main, 1955. S. 191.

¹³ См. Деметьева В.В. Проблема времени возникновения римского интеррегнума // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. М., 1997. № 1(2). С. 35–36.

¹⁴ Jahn J. *Interregnum und Wahldiktatur*. Kallmünz, 1970. S. 23–25.

¹⁵ *Ibid.* S. 24.

имел власти (хотя бы теоретически, так как для фактического ее использования у него был все же слишком короткий срок).

Не найдя в историографии действительно убедительного объяснения принципу проведения консульских выборов вторым и последующими интеррексами, но не первым, мы предлагаем посмотреть на эту проблему несколько под иным углом зрения. Обратим внимание на приведенную выше формулировку Аскония: не было обычая, чтобы назначенный первым интеррекс руководил комициями. Речь идет не о том, что был обычай, запрещавший ему созывать комиции. Асконий не говорит даже, что был обычай, по которому это должен был делать второй. Поэтому можно понять эти слова так, что первому интеррексу в общем-то не запрещалось руководить выборами, но обычно это делали его преемники. Почему нормальным являлось руководство выборными комициями со стороны как минимум второго интеррекса – понять нетрудно. За первые пять дней сложно было наметить кандидатов, согласовать их с *patres*, провести в отношении их ауспиции и созвать народные собрания. Уложиться в них интеррекс, как правило, не мог, но начинал подготовку выборов, а по истечении отпущенного ему срока назначал преемника, который либо доводил порученное до логического конца, либо опять провозглашал интеррекса. К тому же, даже если первый интеррекс успел бы в течение своего срока провести выборы консула, то все равно необходим был запас времени для вступления избранного магистрата в должность. Учитывая, что римляне по обычаю стремились провести этот акт в «торжественные дни» – календы или иды (*Liv. V. 11. 11*), следует признать явную недостаточность срока полномочий интеррекса еще и на ожидание ближайшего из таких дней. После провозглашения высших ординарных магистратов интеррекс скорее всего мог сохранять полномочия до вступления в должность избранного консула, если ему хватало своего пятидневного срока, но назначать преемника-интеррекса не мог. Избранный же консул, не вступив в должность, был только в положении *designatus*. Следовательно, необходимо было, чтобы срока полномочий интеррекса хватало до официального начала консулата лица, провозглашенного высшим ординарным магистратом, иначе могла создаться правовым образом никак не регулируемая ситуация, которой нужно было избежать. Поэтому первый интеррекс и не проводил по обыкновению выборы, а только их готовил. Его преемник уже мог назначить избирательные комиции так, чтобы его срока хватило до вступления консулов в должность. Таким образом, на наш взгляд, именно трудности осуществления в первые пять дней междуцарствия задачи восстановления консулата, а не какой-то особый законодательный запрет лежали в основе обычной практики проведения консульских комиций вторым и последующими интеррексами. Нам поэтому представляется, что названные выше два случая проведения комиций первым интеррексом были не нарушением закона (или обычая, что для римлян также правовое понятие), а теоретически возможным, но на практике редко встречающимся стечением обстоятельств, позволяющих очень оперативно провести все процедуры, необходимые для избрания магистрата. В частности, скоротечность *interregnum* 82 г. до н.э. легко объяснима тем, что его загодя готовил сам будущий диктатор. Добавим к сказанному, что интерпретация факта созыва выборных комиций вторым и следующими интеррексами не как запрета первому делать это, а именно как сложившейся (в силу кратковременности полномочий экстраординарного магистрата) практики, согласуется также и с тем, что интеррекс не избирали по жребию сразу десятком, а каждый следующий из них назначался предыдущим, и так до тех пор, пока не будет выполнена основная задача – избрание высшего ординарного магистрата.

Попутно обратимся к вопросу, мог ли интеррекс провозглашать не ординарных магистратов, а экстраординарного – диктатора. Если – да, то это потенциально увеличивало бы возможности *patres* по использованию чрезвычайных структур. Дионисий сообщает о назначении диктатора через интеррекса (*Dionys. XI. 20*), но доверять ему в данном случае не приходится. Практика функционирования раннеримской диктатуры (V–III вв. до н.э.) не знает случая избрания диктатора во время

interregnum¹⁶. Видимо, римская конституция не предполагала провозглашения одного экстраординарного магистрата через другого, тоже чрезвычайного. Этот же принцип проявился и в том, что один диктатор никогда не провозглашал другого. Однако в истории существования interregnum как государственного института есть уже упомянутый нами единственный пример, когда диктаторские полномочия были вручены в период междуцарствия. Таким способом власть в 82 г. до н.э. получил Сулла. Но здесь мы должны принять к сведению два обстоятельства. Во-первых, диктатура Суллы была совсем не той должностью, что магистратура с тем же названием в период Ранней республики. Во-вторых, сулланская диктатура вводилась на основе специального закона, предложенного интеррексом Луцием Валерием Флакком (App. BC. I. 98–99). После принятия этого закона процедура могла быть двойкой. Либо, как считал Л. Ланге¹⁷, в lex Valeria оговаривалось, что диктатора мог назначить интеррекс, и после этого Луций Валерий Флакк провел назначение; либо уже этот закон прямо назвал Суллу диктатором – так видит развитие событий М. Кроуфорд¹⁸. Следовательно, объявление диктатора в период interregnum в любом случае произошло на основе конституционных изменений. В период же до I в. до н.э. требование обычая – интеррекс может провозглашать только коллегиальных магистратов – неукоснительно соблюдалось.

Интеррекс должен был выбрать консулов, по выражению Цицерона (Leg. III. 3.9), надлежащим образом – rite. Однако источники ничего не сообщают нам о том, отличались ли чем-либо выдвижение кандидатур и сама процедура избрания в рамках interregnum от таковых в обычных условиях, когда выборы проводились под руководством ординарного магистрата. Исследователям поэтому остается исходить из того, что процедура голосования была одинакова при любом руководителе комициями. Но даже признание этого факта не снимает вопроса, имел ли интеррекс больше влияния на исход выборов, чем другие председатели народных собраний – консул или диктатор. В свою очередь от решения этого вопроса зависит представление о том, мог ли interregnum быть действенным инструментом в сословной и политической борьбе. В отсутствие сведений о самом порядке руководства выборами со стороны интеррекса историки могут проводить анализ названной проблемы, оперируя лишь данными о результатах таких выборов. Мысль о том, что интеррекс при консульских выборах имел особые prerogatives, была впервые высказана А. Шwegлером¹⁹. Дальнейшую разработку она получила в трудах С. Стэвели, полагавшего, что интеррекс мог предложить на выборах только двух кандидатов, а народное собрание их либо утверждало, либо отклоняло²⁰. Противоположную позицию отстаивал Й. Ян, считавший, что влияние интеррекса на результат выборов было меньшим, чем у консула, так как интеррекс оставлял свою должность уже после выборов одного магистрата²¹. Однако Р. Рилингер усмотрел в том же самом факте ухода интеррекса после выборов первого консула иной характер его влияния на исход выборов²².

Руководил ли интеррекс выборами только одного консула (а второго избирали уже под руководством ранее провозглашенного коллеги) или же их обоих – источники сообщают как о том (Liv. XXII. 35. 2; Plut. Marc. VI. 1), так и другом (Liv. III. 8. 2; 55. 1; IV. 7. 10; Dionys. IX. 69. 1) вариантах. В частности, Ливий для ситуации выборов через интеррекса консула 216 г. до н.э. Гая Теренция Варрона совершенно опре-

¹⁶ См. Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 64.

¹⁷ Lange L. Römische Alterthümer. Bd I. B., 1876. S. 152–153.

¹⁸ Crawford M. The Roman Republic. New Jersey, 1978. P. 152.

¹⁹ Schwegler D.U. Römische Geschichte. Bd 2. Tübingen, 1870. S. 150.

²⁰ Stavely E.S. The Conduct of Elections during an Interregnum // Historia. 1954/55. P. 193–207.

²¹ Jahn. Op. cit. S. 26.

²² Rilinger R. Der Einfluß des Wahlleiters bei den römischen Consulwahlen von 366 bis 50 v. Chr. // Vestigia. Beiträge zur Alten Geschichte. Bd 24. München, 1976. S. 17–24.

деленно утверждает, что избран был единственный консул, с тем чтобы провозглашение коллеги на комициях было в его власти²³. Аналогично сообщает Плутарх и об избрании консулом Марцелла, который, вступив в должность, провел выборы коллеги Гнея Корнелия²⁴. Мы, следовательно, должны признать возможным тот и другой варианты. Правда, Т. Моммзен полагал, что избрание в междуцарствие 216 г. до н.э. одного консула Гая Теренция нужно считать исключением²⁵, а С. Стэвели называл это сообщение Ливия фикцией²⁶. Тем не менее в источниках зафиксирован и вариант назначения через интеррекса только одного консула. Приняв его, Й. Ян объяснял, каким образом Помпей в 52 г. до н.э. был избран консулом без коллеги: интеррекс ушел после выборов одного консула, а именно Помпея, который уже сам не счел возможным проводить избрание сотоварища²⁷. Р. Рилингер в свою очередь дает трактовку причин того, почему считалось достаточным для интеррекса избрать только одного ординарного магистрата. Он полагает, что это сложилось исторически, так как первоначально интеррекс проводил избрание одного царя, а с переходом к республике — поначалу также единственного существовавшего тогда высшего магистрата (на его взгляд это был *praetor maximus* или *dictator*)²⁸.

Нам представляется, что независимо от того, одного консула или обоих провозглашал на выборах интеррекс, его руководство обеспечивало для *patres* осуществление их интересов. Избрание из их среды первого интеррекса создавало в период Ранней республики последующую цепочку протрициански настроенных его преемников и тем самым такого же руководителя выборами. В его руках была возможность отклонить неугодного кандидата после проведения ауспиций, он мог ограничить список претендентов двумя кандидатурами, и тогда избрание их почти наверняка состоялось бы (оно могло не состояться только в случае массового отказа от подачи голосов). В распоряжении интеррекса был, таким образом, обычный набор способов влияния на исход выборов: не принимать чью-либо кандидатуру в расчет (*rationem non habere*), не вносить имя в список кандидатов (*nomen non accipere*), заставлять центурии голосовать повторно (*in suffragium revocare*), отказываться от провозглашения (*non renuntiare*)²⁹. К тому же добавим влияние его авторитета (который, несомненно, имелся у представителя *patres-senatores*, поскольку интеррексами были выдающиеся политические деятели, полководцы, влиятельные сенаторы-консуляры) и условия чрезвычайной политической ситуации, которые сами по себе заставляли граждан не особенно раздумывать и соглашаться на предложенные кандидатуры. В одном известном случае 291 г. до н.э. интеррекс Луций Постумий Мегелл, председательствовавший на выборах, был сам выбран консулом (*Liv. XXVII. 6. 8*). Фактов «самопровозглашения» руководителей комиций исследователи находят немного³⁰, мы признаем историческими пять случаев: 451, 350, 291, 215, 210 гг. до н.э. (*Liv. III. 33. 3–4; VII. 24. 10–11; XXIV. 7. 11; 9. 1–3; XXVII. 6. 2–11*). Из них на экстраординарных руководителях (диктаторах и интеррекса) приходится три, т.е. более половины, что характеризует в какой-то мере их возможности воздействовать на голосующих. Добавим, что во время *interregnum* в 351 г. до н.э. второй интеррекс, Марк Фабий, провел избрание консулом первого интеррекса, Гая Сульпиция, а тот в свою очередь доизбрал патриция Квинция (*Liv. VII. 22. 1–3*).

²³ *Liv. XXII. 35. 2*: «C. Terentius consul unus creatur, ut in manu eius essent comitia rogando collegae».

²⁴ *Plut. Marc.*: «...διὰ τῶν καλουμένων μεσοβασιλέων ὑπατος ἀποδείκνυται Μάρκελλος, καὶ παραλαβὼν τὴν ἀρχὴν ἀποδείκνυσιν αὐτῷ συνάρχοντα Γναῖον Κορνῆλιον».

²⁵ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd I. Lpz. 1871. S. 659.*

²⁶ *Staveley. Op. cit. P. 206.*

²⁷ *Jahn. Op. cit. S. 26.*

²⁸ *Rilinger. Op. cit. S. 18.*

²⁹ См. *Liv. IV. 7. 9; X. 15. 10–12; XXIV. 8. 20; XXVI. 22. 5; XXVII. 6. 2; Val. Max. III. 8. 3.*

³⁰ *Rilinger R. Die Ausbildung von Amtswechsel und Amtsfristen als Problem zwischen Machtbesitz und Machtmißbrauch in der Mittleren Republik (342 bis 217 v. Chr.) // Chiron. 1978. Bd 8. S. 261–263.*

Говоря о выборах консулов под руководством интеррекса, Тит Ливий обычно использует выражение: *interrex... consules creat*. Таким образом избрание высшего ординарного магистрата характеризуется Ливием как назначение консулов интеррексом при отсутствии важной роли комиций в данном акте. Можно согласиться со С. Стэвели, что интеррекс осуществлял выбор ординарного магистрата, а *populus* этот выбор ратифицировал³¹. Мнение же Е. Гьерстада мы поддерживаем лишь в той части, где он говорит о решающей роли интеррекса при избрании магистратов, но его утверждение, что в назначении выбранных им магистратов народ не принимал участия³², считаем все же излишне категоричным. Приведенный тезис С. Стэвели кажется нам более корректным. А. Джованнини (рассматривая, правда, не ситуации *interregnum*), отмечает, что неверно считать, будто бы народное собрание вообще не обладало инициативой при избрании магистратов – оно было полномерно голосовать также и за того, кто не был объявлен кандидатом заранее³³. Это действительно имело место (*Liv. X. 9. 10; X. 22. 1–9*), однако для периодов междуцарствий, в условиях избрания в сжатые сроки (если не сказать в спешке) вероятность выдвижения магистрата от центурий была меньше, чем в обычной ситуации. Тем более, что за руководителем выборами оставалось право *populi renuntiare* в отношении такого кандидата. Как известно, *lex Maenia de ratum auctoritate* начала III в. до н.э. ввел для кандидатов предшествующее выборам одобрение со стороны *patres*. Непосредственную цель этого закона К. Хельескамп видит в том, чтобы ограничить свободу маневра и возможности политической игры, имевшиеся у того, кто руководил выборами³⁴. Но для проведения выборов интеррексом это опять-таки было не принципиально, поскольку он и до принятия этого закона несомненно ставил на голосование кандидатуры, устраивавшие *patres*.

Если был провозглашен один консул (а он, избранный стараниями интеррекса, тоже, вероятнее всего, в раннереспубликанское время представлял патрицианские интересы), и *interrex* передавал ему право руководства выборами коллеги, то этот консул также мог оказать серьезное влияние на исход выборов, ибо, ко всему прочему, он мог их откладывать, т.е., по словам Р. Рилингера, «заставлять время работать на себя»³⁵. Избрание преторов и низших магистратов в любом случае проводил не *interrex*, а один из провозглашенных консулов (*Liv. XXII. 35. 5; Cass. Dio. XXXIX. 32. 2*); влияние интеррекса на подбор их кандидатур было весьма опосредованным, а потому и не столь значительным.

Поскольку нет сомнений в том, что интеррекс был креатурой *patres*, естественно предположить, что в V–IV вв. до н.э. патриции стремились использовать переход к междуцарствию при решении задач сословной борьбы. Сначала это был метод достижения своих интересов при затягивании избирательной кампании из-за межсословных противоречий (особенно когда речь шла об избрании трибунов с консульской властью), а после принятия законов Лициния–Секстия – способ обойти требование о паритете патрициев и плебеев в консулате. Об этом красноречиво свидетельствуют наши источники – либо прямо, сообщая о патрицианских (или сенатских) интересах, либо косвенным образом, повествуя о ситуации, предшествовавшей междуцарствию. Так, Дионисий, рассказывая об *interregnum* 482 г. до н.э., мотивирует переход к нему разногласиями между консулами и плебейскими трибунами (*Dionys. VIII. 90*). Ливий для ситуации 413 г. до н.э. отмечает, что в основе перехода к междуцарствию лежали

³¹ *Stavely. Op. cit. P. 197, 200*. На его мнение опирался, комментируя Ливия, Р. Огилви: *Ogilvie R.M. A Commentary on Livy. Books 1–5 Oxf., 1963. P. 409–410*.

³² *Gjerstad E. Innenpolitische und militärische Organisation in frühromischer Zeit // ANRW. I. 1. B. – N.Y., 1972. S. 156*.

³³ *Giovannini A. Magistratur und Volk: Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte des Staatsrechts // Staat und Staatlichkeit in der Frühen Römischen Republik. Stuttgart, 1990. S. 424*.

³⁴ *Hölkeskamp K.J. Die Entstehung der Nobilität. Stuttgart, 1987. S. 193*.

³⁵ *Rilinger. Der Einfluß... S. 23*.

опасения сената, что народ изберет в военные трибуны с консульской властью плебеев; *interregnum* же позволил им одержать победу (Liv. IV. 50. 7–8). В 389 г. до н.э. военным трибунам также не доверили проводить выборы магистратов и довели дело до междуцарствия (Liv. VI. 1. 5). В связи с *interregnum* 355 г. до н.э. Ливий констатирует стремление патрициев провести на консульских выборах двух своих кандидатов, замечая, что в конце концов им это удалось (Liv. VII. 17. 11–13). Конфликт по поводу соблюдения законов Лициния–Секстия Ливий считает глубинным поводом к междуцарствию 352 г. до н.э. (Liv. VII. 21. 1–3). В желании патрициев провести своих представителей на оба консульских места предполагает Ливий главную причину перехода к *interregnum* и в 343 г. до н.э.³⁶. Вопреки желанию плебеев прибегли к междуцарствию в 326 г. до н.э. (Liv. VIII. 23. 17). Цицерон сообщает нам, что Аппий Клавдий Цек, находясь в должности интеррекса, отверг *contra leges* в народном собрании консула из плебеев (Cic. Brut. 55). Трудно, сказать, в каком именно году это произошло, так как в элогии Аппия Клавдия говорится, что интеррексом он был трижды³⁷. А. Джованнини определяет под вопросом 298 г.³⁸, этот год считает возможным также Ф. Кассола³⁹, но Ливий для этого года называет Аппия Клавдия первым интеррексом и отмечает, что выборы проводил второй – Публий Сульпиций (Liv. X. 11. 10). Й. Ян склонялся к отнесению этого события к 300 г. до н.э.⁴⁰, а Р. Рилингер – к началу 291 г. до н.э.⁴¹ Наконец, отметим еще описание *interregnum* 216 г. до н.э., а именно слова Ливия о том, что междуцарствие имело целью передачу патрициям руководства выборными комициями (*interregnum iniretur, ut in patrum potestate comitia essent* – VII. 28. 10). Поскольку сословная борьба к этому времени была уже в прошлом, то возникает вопрос о достоверности такой характеристики. Й. Ян не без оснований полагал, что Ливий перенес элементы сословной борьбы на время, когда действовали другие политические силы⁴². Однако, на наш взгляд, даже признание данной трактовки анахронизмом не меняет представления о том, что у Ливия было убеждение в принципиальной возможности использования междуцарствия как средства патрицианской политики, хотя с точки зрения хронологии его упоминания об этом не всегда уместны.

Приведенные примеры создают картину применения *interregnum* отчасти в сословно-политических интересах *patres*. Поэтому вполне закономерно, что многие историки, касавшиеся римского междуцарствия, так или иначе об этом упоминали. Выгодным патрицианской партии называл *interregnum* Э. Херцог⁴³, средством сохранения патрициями монополии на политическую власть – С. Стэвели⁴⁴, способом политической борьбы за консулат – Й. Ян⁴⁵, ударным инструментом патрицианской сословной политики – К. Хелькескам⁴⁶. Что же касается сравнения этого инструмента с использованием в аналогичных целях диктатуры и собственно консула – председателя избирательных комиций, то еще Т. Моммзен отмечал, что сенат имел большее влияние на выборы, если ими руководил интеррекс, чем при руководстве со стороны консула или диктатора, так как интеррекс всегда был из патрициев, в то время как консул или диктатор могли быть и плебеями⁴⁷. В. Пирогов считал, что патриции надеялись « посредством междуцарствия вернее иметь в своих руках выборы, чем при помощи

³⁶ Liv. VII. 28. 10: «Ex interregno, ut id actum uideri posset, ambo patricii consules creati sunt».

³⁷ CIL. I. 1. P. 192; Degrassi A. Inscriptiones Italiae. V. XIII. Fasti et Elogia. Roma, 1937. P. 59. № 79.

³⁸ Giovannini. Op. cit. S. 420.

³⁹ Cassola F. I gruppi politici Romani nel III secolo a. C. Trieste, 1962. P. 13.

⁴⁰ Jahn. Op. cit. S. 99.

⁴¹ Rilinger. Die Ausbildung... S. 262.

⁴² Jahn. Op. cit. S. 121.

⁴³ Herzog. Op. cit. S. 503–504.

⁴⁴ Staveley E.S. The Significance of the Consular Tribunate // JRS. 1953. 43. P. 33.

⁴⁵ Jahn. Op. cit. S. 28.

⁴⁶ Hölkeskamp. Op. cit. S. 68.

⁴⁷ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd 1. S. 657.

диктатуры»⁴⁸. С. Стэвели подчеркивал, что интеррекс был в более сильной позиции по сравнению с консулом или диктатором, чтобы осуществлять интересы патрициев, поэтому руководство выборами со стороны интеррекса было для плебеев более невыгодным, чем проведение их диктатором⁴⁹. Й. Ян, напротив, в отношении влияния на исход выборов отдавал предпочтение диктатору⁵⁰. Мы думаем, что в надежде осуществить свои политические чаяния патриции могли больше полагаться на экстраординарных руководителей выборов (интеррекса и диктатора), чем на обычных. Дело здесь заключалось даже не столько в особых «технических» возможностях чрезвычайных руководителей, сколько в самих обстоятельствах, вызывавших к жизни их магистратуры и облегчавших давление на избирателей, а также в авторитете их самих и стоящих за ними *patres-senatores*. Сравнение же интеррекса и диктатора друг с другом в качестве руководителей выборов крайне затруднено, и предпочтение интеррексу как выразителю патрицианских интересов в акте избрания консулов можно отдать только на том основании, которое предложил Т. Моммзен: *interrex* всегда гарантированно был ставленником *patres*. Да еще, пожалуй, можно принять во внимание изложение Ливием позиции плебейских трибунов в 352 г. до н.э., из которого следует, что они соглашались на диктатуру и не хотели междуцарствия (*Liv. VII. 21. 2*).

Принимая определение *interregnum* как «ударного инструмента патрицианской словесной политики» (Хелькескамп), остановимся на выяснении того, когда он наиболее активно и эффективно применялся. Для начала приведем статистику, относящуюся ко всему периоду существования республиканского политического института *interregnum*.

От 509 г. до н.э. до принятия законов Лициния – Секстия (367 г. до н.э.) мы насчитываем, вслед за Й. Яном, около 15 междуцарствий⁵¹. Поскольку после выхода в свет работы Й. Яна в зарубежной историографии принято датировать *interregnum* годом избранных в его ходе консулов, мы будем придерживаться этой датировки, хотя в отечественной литературе часто встречается и датировка по предшествовавшей консульской паре. В соответствии с названным принципом определения дат междуцарствия, они приходятся на следующие годы до нашей эры: 509, 482, 462, 451, 449, 444, 420, 413, 401, 396, 393, 391, 389, 387, 370. Из них *interregna* 451, 401, 393 гг. могут быть названы гипотетическими, поскольку сведения о них в источниках противоречивы или не вполне ясны, а датировка проблематична. Р. Палмер предлагает свою цифру междуцарствий за этот период времени – десять⁵². Нам подсчеты Й. Яна кажутся более полными, а его аргументация достаточно убедительной. Но даже если вычтуть из называемого им числа *interregna* не точно установленные, останется 12 междуцарствий, приходящихся на первый этап существования республики, до того времени, как плебеи получили доступ в консулат. В справочнике Т. Броутона под вопросом значится еще и междуцарствие 463 г. до н.э.⁵³, факт которого, видимо, все же следует исключить. От 366 г. до н.э. до 326 г. до н.э. насчитывается 7 междуцарствий: 355, 352, 351, 343, 340, 332; 326 гг. до н.э. За период от 325 г. до н.э. до 293 г. до н.э. (до конца первой декады Тита Ливия) можно насчитать только четыре междуцарствия: 320, 300, 298 и 291 гг. до н.э. Затем, за семидесятилетний период, до 222 г. до н.э., не удается (в отсутствие такого важного для статистических подсчетов источника, как труд Ливия) установить ни одного *interregnum*. Междуцарствия 222 г. до н.э.⁵⁴ и 220 г.

⁴⁸ Пирогов В. Исследования по римской истории, преимущественно в области третьей декады Ливия. СПб., 1878. С. 212.

⁴⁹ *Staveley. The Conduct.* P. 200.

⁵⁰ *Jahn. Op. cit.* S. 53.

⁵¹ *Jahn. Op. cit.* S. 56–64.

⁵² *Palmer R. The Archaic Community of the Romans.* Camb., 1970. P. 301.

⁵³ *Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic (with the collab. of M.L. Patterson).* V. I–II. N.Y., 1951–1952 (repr. 1986). V. I. P. 35.

⁵⁴ Хотя иногда этот *interregnum* считается проблематичным, все же, на наш взгляд, о нем можно говорить уверенно, поскольку Плутарх сообщает: «διὰ τῶν καλούμενων μεσοβασιλέων ὑπαὸς ἀποδείκνυται Μάρκελλος» (*Marc. VI. 1*). С высокой вероятностью определяет междуцарствие для этого года

до н.э. приходится на время накануне второй Пунической войны, на годы которой падают еще не более двух – 216 г. до н.э. и *interregnum*, принимаемый Й. Яном, но, на наш взгляд, маловероятный, 208 г. до н.э. На весь II век до н.э. приходится лишь четыре междуцарствия: 175, 162, 152, 109 гг. до н.э. Из них *interregnum* 109 г. до н.э. можно только предполагать. Й. Ян называл еще и *interregnum* 106 г. до н.э., но мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть это, так как никаких источников информации о междуцарствии этого года не обнаружили, а сам автор о них не упоминает. Наконец, в I в. до н.э. было пять довольно точно фиксируемых (82, 77, 55, 53, 52 гг. до н.э.) и один гипотетичный (43 г. до н.э.) *interregnum*. В целом получается, что за всю историю существования республиканского междуцарствия мы знаем примерно о 40 случаях его применения. В справочнике Т. Броутона за период от конца царской эпохи до 52 г. до н.э. значится 29 *interregna* (в том числе и те, которые автор определяет под вопросом)⁵⁵. Однако за много десятилетий, прошедших после первого его издания, исследователями проделана значительная работа по установлению фактов междуцарствия, что позволяет сейчас называть цифру на десяток большую.

Вернемся теперь к междуцарствиям эпохи сословной борьбы. Больше всего их приходится на IV в. до н.э. В этом веке, по наблюдениям Р. Рилингера, не известно регулярных руководителей выборов – только чрезвычайные (диктаторы и интеррексы), и все они были патрициями⁵⁶. Их руководство обеспечивало преимущественно избрание патрицианских высших магистратов, но в 396 г. до н.э. по итогам *interregnum* была избрана коллегия военных трибунов с консульской властью, состоявшая из пяти плебеев и одного патриция (*Liv. V. 17–18*). Возможно, что это был тот случай, когда интеррекс покинул должность после провозглашения первого трибуна (патрицианского), а тот уже проводил избрание коллег. Не исключено, что, наоборот, предварительно было решено избрать из плебеев большинство военных трибунов (*Liv. V. 17. 5*). В результате междуцарствий, вводившихся после принятия законов Лициния–Секстия до 326 г. до н.э., для 355, 351 и 343 гг. до н.э. в консульских фастах значатся избранными по два патриция (*CIL. I. 1. P. 21*). Для 352 и 340 гг. до н.э. – по одному патрицию и плебею, но источники единодушны, что патрицианский консул был провозглашен первым. Для 332 г. до н.э. источники расходятся в том, какой консул (патриций или плебей) был избран первым⁵⁷, но вероятнее, что патриций, так как его первым называет Ливий (*VIII. 17. 5*). Переломным в этом отношении был 326 г. до н.э., когда под руководством интеррекса Луция Эмилия первым был провозглашен консулом плебей Гай Петелий (*Liv. VIII. 23. 17*). Исследователи уже обращали внимание на то, что это безусловно принципиальное событие⁵⁸. После него количество междуцарствий убывает (за 32 года, от 325 до 293 г. до н.э. их отмечено всего три, тогда как за предыдущие 40 лет – семь). Нетрудно усмотреть в этом тенденцию, характеризующую снижение роли *interregnum* как средства патрицианской политики. Мы связываем это с общим процессом развития сословной борьбы: ее острота спадает к 340 г. до н.э. Ливий под 342 г. до н.э. сообщает о плебисцитах Генуция, в соответствии с которыми запрещалось занимать одну и ту же должность ранее чем через 10 лет и разрешалось избирать двух консулов из плебеев (*Liv. VII. 42. 2*). Как бы ни относиться к достоверности сообщений об этих плебисцитах (Ливий говорит о них не очень уверенно), острое соперничество за высшую ординарную магистратуру между

А. Липпольд (*Lippold A. Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulats von 264 bis 201 v. Chr. Bonn, 1963. S. 107–108*).

⁵⁵ *Broughton. Op. cit. V. I. P. 3, 23, 35, 36, 53, 71, 76, 88, 93, 97, 99, 124, 126, 127, 135, 142, 146, 153, 174, 183, 233, 259, 291, 442; V. II. P. 68, 89, 217, 229, 236*. Т. Броутон отмечает междуцарствия 509, 482, 463, 462, 444, 420, 413, 396, 391, 389, 387, 355, 352, 351, 340, 332, 326, 320, 298, 291, 222, 216, 208, 162, 82, 77, 55, 53, 52 гг. до н.э.

⁵⁶ *Rilinger. Der Einfluß... S. 19*.

⁵⁷ *Degrassi. Op. cit. 107, 412*.

⁵⁸ *Jahn. Op. cit. S. 89; Rilinger. Der Einfluß... S. 20*.

представителями патрицианской и плебейской верхушки убывает. К этому же времени была утрачена привилегия патрицианских консулов назначать диктатора.

В начале III в. до н.э. *interregnum* становится еще более редким явлением. Патриции в это время, судя по тексту Ливия (X. 24. 4), еще имели большинство в сенате, но плебейские консуляры становились в нем все более влиятельной группой⁵⁹. Тогда же плебеи получают доступ в коллегию авгуров (*lex Ogulnia* 300 г. до н.э.), что свидетельствует о признании их компетентности в сфере экспертизы ауспий (иначе говоря, этим было подтверждено также их право на империй высшего магистрата, учитывая неразрывное единство империя и ауспий, которое существовало в римском общественном сознании). Институт *interregnum* как инструмент сословной политики становится неактуальным – это косвенно подтверждается продолжительностью самих междуцарствий: если до 326 г. до н.э. имели место длительные их периоды, то в 325–216 гг. они ограничивались сроком полномочий двух–трех интеррекссов. Следовательно, на первый план при переходе к междуцарствию выходят задачи именно скорейшего восстановления ординарной власти, а не решение вопросов межсословных противоречий. Таким образом, изменения как количества междуцарствий, так и числа интеррекссов в течение этих периодов, отражает логику борьбы патрициев и плебеев, что в свою очередь является показателем использования данного чрезвычайного института в этой борьбе.

Рассмотрение применения института междуцарствия как орудия сословной политики включает в себя еще один вопрос: возможна ли была трибунская интерцессия по отношению к действиям интеррекса в ходе проведения им консульских выборов. Плебейские трибуны не могли реально повлиять на назначение интеррекса, но могли ли они протестовать против его действий? Источники уверенно и однозначно отвечают на этот вопрос положительно (Liv. VII. 17. 12–13; 21. 3; XXII. 34. 1–2; Cic. Brut. 55). Интересно, что, например, в 355 г. до н.э. раздоры начались при втором интеррексе, т.е. собственно тогда, когда дело дошло до выборов. То, что о конфликте этого года между плебейскими трибунами и интеррексом мы знаем из сконструированной Ливием речи интеррекса Марка Фабия, не отменяет признания достоверности самого конфликта. Как отмечал К. Хелькескамп, хотя эта речь, конечно, фикция, это ни в коем случае не говорит против аутентичности сообщения о трибунском сопротивлении⁶⁰. Трибуны настаивали главным образом на соблюдении закона Лициния – Секстия, и именно их протесты приводили к затягиванию междуцарствия. Эти политические столкновения при избрании под руководством интеррекса ординарных магистратов сами по себе свидетельствуют о стремлении патрициев использовать *interregnum* как тактическое средство в противостоянии плебеям в их борьбе за консулат. Объяснение тому факту, что плебейские трибуны не могли возражать против провозглашения интеррекса, но оказывали сопротивление ему, кажется нам достаточно простым. Их право запрета распространялось на действия должностных лиц, но не на решения *patres* как коллективного носителя власти в начальный период междуцарствия. С провозглашением же интеррекса появлялся магистрат, действия которого можно было опротестовать.

Фиксируя межсословные столкновения в период междуцарствий, мы не можем не обратить внимание на то обстоятельство, что, несмотря на откровенные стремления противоборствующих сил достичь своих интересов, при крайнем обострении ситуации стороны шли на компромиссы. В 352 г. до н.э. *patres* приказали интеррексу Луцию Корнелию Сципиону *concordia causa* соблюдать закон Лициния – Секстия (Liv. VII. 21. 4). Даже если патриции одерживали верх в ходе выборов, проводившихся интеррексом, то, учитывая накаленную обстановку, патрицианские консулы шли на уступки плебеям. Так было в 413 г. до н.э., когда в начале консульства пришедших к власти через *interregnum* (*patres* боролись тогда против избрания военных трибунов с

⁵⁹ Rilinger. Der Einfluß... S. 23.

⁶⁰ Hölkeskamp. Op. cit. S. 68.

консульской властью из плебеев) патрицианских магистратов Авла Корнелия Косса и Луция Фурия Медуллина было принято сенатское постановление в интересах плебеев (Liv. IV. 51. 2). Можно рассматривать как компромисс и избрание в период междуцарствия 396 г. до н.э. коллегии военных трибунов с консульской властью из пяти плебеев и одного патриция (Liv. V. 18. 2), независимо от того, предварительно ли достигли такого согласия или провозглашенный первым трибун из патрициев избрал себе плебейских коллег.

Наряду с применением *interregnum* в качестве тактического средства решения стратегических задач патрицианской сословной политики, он использовался как инструмент во внутриапатрицианской борьбе. Этой стороне уделил достаточное внимание И. Ян⁶¹. Так, для IV в. до н.э. он рассматривал противоборство двух политических группировок: Фабии – Валерии – Манлии, с одной стороны, и Эмилии и Папирии, с другой. В 40-е годы IV в. до н.э. (348–343 гг. до н.э.) руководящие позиции прочно удерживала первая группа родов, что проявлялось и в ситуациях междуцарствия. В ходе *interregnum* 343 г. до н.э. консулами были избраны Марк Валерий Корв и Авл Корнелий Косс. Во время междуцарствия 340 г. до н.э. интеррексами были Марк Валерий и Марк Фабий (Liv. VIII. 3. 5). В этом Марке Валерии можно видеть как Марка Валерия Корва, бывшего консулом кроме указанного 343 г. до н.э. еще и в 348 и 346 гг. до н.э., так и Марка Валерия Публиколу, консула 355 г. (избранного тогда под руководством интеррекса Марка Фаблия Амбуста) и 353 г. до н.э. Марк Фабий может быть отождествлен с Марком Фабием Амбустом, который в качестве интеррекса в 355 и 351 гг. до н.э. привел к консульской магистратуре двух патрициев. Это мог быть и Марк Фабий Дорсуон, консул 345 г. до н.э. Так или иначе, Марк Фабий, будучи вторым интеррексом в 340 г. до н.э., провел в консулы представителя своей группировки Тита Манлия Торквата. Но тому, как отмечал И. Ян, не удалось снова укрепить господство представляемых им *gentes*. Сменивший Манлия Торквата в должности консула Эмилий Мамерцин прервал прежнее прочное доминирование Фабиев – Валериев – Манлиев. 339 г. до н.э. И. Ян называл поворотным в римской истории, поскольку в этом году прекратилось занятие консулата членами тесно связанных политически *gentes*; закон, по которому разрешалось занимать магистратуру только через десять лет, вступил в силу с победой на выборах Эмилия⁶². Укрепление руководящих позиций *gens Aemilia* удалось приостановить их политическим противникам в ходе *interregnum* 332 г. до н.э. Став пятым интеррексом, Марк Валерий Корв провозгласил консулом Авла Корнелия Косса, своего коллегу по консулату 343 г. до н.э. (Liv. VIII. 17. 5). Реванш Эмилии взяли в 326 г., когда, будучи четырнадцатым интеррексом, Луций Эмилий Мамерцин помог прийти к власти представителю рода Папириев, дружественного Эмилиям (Liv. VIII. 23. 17). Развязка междуцарствия 320 г. до н.э. кажется на первый взгляд странной. Интеррекс Марк Валерий Корв провозгласил по итогам выборов консулами Квинта Публилия Филона и Луция Папирия Курсора (Liv. IX. 7. 15); первый из них был обязан своим возвышением Эмилию Мамерцину, а родовое имя второго говорит само за себя. Объясняя такой результат выборов, И. Ян отмечал, что, во-первых, римские политические группировки не были «жесткими образованиями», во-вторых, тяжелая обстановка войны с самнитами (а избранные консулы ранее прославились именно в военных действиях с самнитами) колебала внутривнутриполитический расклад, в-третьих, влияние интеррекса на исход выборов все же не было абсолютным⁶³. Результатом следующего междуцарствия, имевшего место в 300 г. до н.э.⁶⁴, стало избрание консулом Марка Валерия Максима, бывшего в предыдущем году диктатором (Liv. X. 5. 14). Приведенные факты

⁶¹ Jahn. Op. cit. S. 77–80.

⁶² Ibid. S. 79.

⁶³ Jahn. Op. cit. S. 94.

⁶⁴ Ливий не знает наверняка, был ли *interregnum* в 300 г. до н.э., но И. Ян полагал, что сообщение о междуцарствии этого года восходит к Валерию Анциату, который располагал подробными сведениями о роде Валериев (Op. cit. S. 99).

свидетельствуют об использовании института *interregnum* противоборствующими группировками патрицианских *gentes* до конца IV в. до н.э.

Исследователи усматривают проявления борьбы внутри правящей элиты и в известных нам междуцарствиях III в. до н.э. Например, дискуссии вызвали обстоятельства перехода к *interregnum* в 220 г. до н.э.: строятся самые различные предположения о складывании тех или иных союзов римских *gentes*. Дело в том, что в этом году к власти поочередно пришли две пары консулов: сначала Валерий Левин и Муций Сцевола, а затем – видимо, после междуцарствия – Ветурий и Лутаций⁶⁵. Возможно, одним из интеррексом был Квинт Фабий Максим. Х. Скаллард видел в отставке первой пары консулов попытку подорвать господство Эмилиев – Сципионов⁶⁶; А. Липпольд полагал, что первоначально избранные консулы Валерий и Муций не находились с Эмилиями и Сципионами в состоянии вражды, однако мог сложиться союз между Ветурием и группировкой Эмилиев – Сципионов⁶⁷. Й. Ян не усматривал оснований для предположений о таком союзе⁶⁸. Поскольку мы не занимаемся просопографическим исследованием, для нас важно не выяснение расстановки сил в подобных политических интригах, а сама констатация того, что институт *interregnum* играл определенную роль в борьбе за власть внутри римского нобилитета. Отметим еще трактовку Й. Яном обстоятельств междуцарствия 216 г. до н.э. Он связывает их с противоборством сторонников и противников стратегии и тактики Квинта Фабия⁶⁹. Та часть сенаторов, которая требовала наступления, хотела добиться этого через диктатуру. Большинство же сенаторов, соглашаясь на оборонительную тактику Фабия, делали ставку на интеррекса. Фабия устраивало междуцарствие, и его политические сторонники внесли такое предложение в сенат. Когда же все-таки прибегли к диктатуре, Фабий договорился влиятельных авгуров признать выборы диктатора огрешными. Возможно, в деталях такой трактовки событий 216 г. до н.э. есть определенная произвольность построений, но нам кажется несомненным введение и диктатуры, и междуцарствия в период второй Пунической войны в целях политических комбинаций.

Мы полагаем, что *interregnum* использовалась как в качестве инструмента осуществления патрицианских интересов в противовес плебейским, так и для решения вопросов внутрипатрицианского соперничества; то и другое происходило параллельно, периодически пересекалось и дополнялось одно другим. Противопоставлять одно другому, на наш взгляд, бесперспективно, а рассматривать применение междуцарствия как средство исключительно внутрипатрицианской борьбы (без большого значения для взаимоотношений с плебейской элитой), что иногда делалось в литературе⁷⁰, нам не позволяют данные античных авторов.

Еще один сюжет, имеющий отношение к рассмотрению проблемы проведения интеррексом консульских выборов, – сроки вступления в должность избранных им магистратов и возможные изменения продолжительности их административного года.

Тит Ливий сообщает о сроках вступления в должность избранных интеррексом консулов по-разному. Иногда это «торжественный день» (*dies solemnis*) – календы или иды (*Liv. V. 11. 11; 32. 1*); иногда будничные: *ante diem tertium idus Sextiles* (*Liv. III. 8. 3*). Периодически Ливий говорит, что консулы вступили в должность тут же (*III. 55. 1*) или сделали это в самый день избрания (*IX. 8. 1*). При этом уточнение Ливия о немедленном вступлении консулов в должность по постановлению *patres* наводит на мысль, что обычным порядком было все же дожидаться ближайшего «праздничного» дня. Если учесть, что все дни перед календами и большинство из предшествовавших идам считались днями комиций, то в любом случае от избрания до вступления нового консула в должность проходило немного времени. Но, как мы уже отмечали, очень велика была

⁶⁵ *Degrassi. Op. cit. P. 46–47.*

⁶⁶ *Scullard. Op. cit. P. 273.*

⁶⁷ *Lippold. Op. cit. S. 142, 272.*

⁶⁸ *Jahn. Op. cit. S. 116.*

⁶⁹ *Ibid. S. 121.*

⁷⁰ См. об этом подробнее: *Hölkeskamp. Op. cit. S. 67.*

вероятность того, что пяти дней – срока полномочий первого интеррекса – не хватило бы на выдвижение кандидатов, подготовку комиций, их проведение и ожидание подходящего дня для официального вступления консула в должность. Нужно было организовать избрание консула так, чтобы руководивший выборами интеррекс мог в течение одного-двух дней после этого сложить полномочия. Вероятно, иногда именно по этим «техническим» причинам цепочка интеррексов удлинялась, чтобы государство не оказалось в не регулируемой правовым образом ситуации, когда полномочия интеррекса истекли (преемника себе назначить он не мог, если консул уже был избран), а консул к исполнению своих еще не приступил. Одновременное нахождение у должности интеррекса и высшего ординарного магистрата также не предусматривалось. После того, как консул вступал в должность, интеррекс должен был уйти (Liv. VI. 1. 9); судя по всему, независимо от того, оставалось ли какое-то количество времени от его пятидневного срока или нет. Видимо, уже вступив в должность, избранный при интеррексе консул в течение следующих пяти дней проводил *lex curiata de imperio*. Итак, вероятнее всего, избранные под руководством интеррекса высшие ординарные магистраты официально приступали к исполнению обязанностей обычно в *dies solemnis*, но от этого правила иногда при необходимости могли и отступить. Ибо лучше было нарушить его, чем лишить гражданскую общину органов управления, непрерывность которого и должен был поддерживать институт *interregnum*.

Сложнее обстоит дело с выяснением того, как влияло междуцарствие на сроки административного римского года, учитывая, что далеко не всегда мы можем определить согласование консульского года с календарным. Автор первой (и по существу единственной) специальной статьи по этому вопросу, вышедшей более ста лет тому назад, Г. Унгер полагал, что *interregnum* отодвигал срок вступления в должность консулов следующего года на время своей продолжительности⁷¹. Сведения Цицерона (Pro Mil. IX. 24) об *interregnum* 53 г. до н.э., когда Клодий отказался от занятия претуры, поскольку из-за продолжительного междуцарствия время его полномочий становилось бы очень кратким, дают представление о том, что во времена Поздней республики период исполнения должности избранных интеррексом консулов сокращался на время междуцарствия. Но как влиял *interregnum* на консульский год в эпоху Ранней республики, когда твердо фиксированной календарной даты начала консульского года не было? Мы знаем, что в конце V в. до н.э. днем вступления в должность высших ординарных магистратов были декабрьские иды⁷². Ливий называет это обычным сроком (V. 11. 11), но далее упоминает о вступлении в должность трибунов с консульской властью 401 г. до н.э. не в этот день, а в октябрьские календы. В 391 г. военные трибуны с консульской властью приступили к своим обязанностям в квинтильские календы (Liv. V. 32. 1). Вероятно, эта дата начала административного года существовала как минимум до 367 г. до н.э., поскольку до этого времени большая часть триумфов высших магистратов (а их справляли в конце срока полномочий) приходилась на май или июнь. Вместе с тем с большой долей уверенности можно определить, что в 341 г. до н.э. не было твердой календарной привязки начала консульского года. В тот год по желанию сената консулы досрочно ушли в отставку с тем, чтобы новые консулы раньше начали подготовку к войне с латинами (Liv. VIII. 4–5). Как заметил Й. Ян, желание сената было бы бессмысленным, если бы через отставку консулов нельзя было перенести на более ранний срок вступление в должность следующей пары высших магистратов⁷³. В 329 г. до н.э. консулы вступают в должность опять-таки в квинтильские календы (Liv. VIII. 20. 3). По мнению Т. Моммзена – а он был крупным специалистом и по римской хронологии, – перед второй Пунической войной срок полномочий консулов начинался в майские календы (что также выясняется по

⁷¹ Unger G.F. *Interregnum und Amtsjahr* // *Philologus*. 1884. Bd. IV. S. 283–333.

⁷² Liv. V. 9. 3: «*Idus Decembres, sollempnem ineundis magistratibus diem*».

⁷³ Jahn. *Op. cit.* S. 30.

триумфальным датам)⁷⁴; со второй Пунической войны – в мартовские иды⁷⁵, а со 153 г. до н.э. – в январские календы⁷⁶. Судя по всему, дата вступления консулов в должность определялась (при нормальном порядке выборов через предшественника, т.е. при отсутствии *interregnum*) прекращением полномочий предыдущих высших магистратов; долгое время в Римской республике она была плавающей. Как же обстоит дело в междуцарствии 222 г. до н.э. консул Клавдий Марцелл пробыл в должности меньше календарного года⁷⁷. Следовательно, при введении *interregnum* также как бы начинался отсчет нового консульского года, но время нахождения у власти избранных в течение его консулов сокращалось на период продолжительности междуцарствия. Т.е. и при календарно нефиксированном, «плавающем» дне вступления консулов в должность административный год начинался не по окончании междуцарствия, а после прекращения империя консулов-предшественников. К передвижению по календарю даты начала консульского года приводили не междуцарствия сами по себе, а преждевременные отставки предыдущих консулов. При этом «календарного смещения» даты окончания срока полномочий избранных консулов не происходило, и они прекращались через год после абдикации магистратов предшествующего года. Иначе говоря, «календарное смещение» после *interregnum* происходило не для всего годичного срока нахождения консульской пары у власти, а только для дня вступления в должность. Во всяком случае для периода III–I вв. до н.э. такое наблюдение на основе анализа отдельных фактов, сообщаемых источниками, сделать можно. Что же касается более раннего времени, то весьма трудно сказать об этом что-либо конкретное.

Итак, подводя итоги рассмотрению вопроса о проведении интеррексом консульских выборов, кратко отметим следующее. Мы полагаем, что первый интеррекс обычно не руководил консульскими комициями не вследствие законодательного запрета, а в силу малой вероятности того, что ему удастся уложиться в отпущенный ему срок. Иначе говоря, не было запрета для первого интеррекса, но была сложившаяся практика проведения выборов его преемниками. Роль интеррекса как председателя избирательных комиций была велика, он мог влиять на их исход, используя не только обычный набор способов, но и условия чрезвычайной ситуации, а также значительный личный авторитет и *auctoritas* представляемых им *patres*. Это в свою очередь обусловило применение института *interregnum* как в сословной борьбе (особенно до последней трети IV в. до н.э.), так и во внутреннем соперничестве правивших патрицианских группировок или при противоборстве мнений среди политической элиты. Право трибунской интерцессии, не действовавшее в период междуцарствия в отношении *patres*, могло применяться в отношении действий интеррекса так же, как в отношении ординарных магистратов. Допускалось избрание под руководством интеррекса только одного консула, но чаще он обеспечивал комплектование всей высшей магистратуры. Избранные по итогам *interregnum* консулы вступали в должность, как правило, в *dies solemnis*, но, как исключение, могли делать это и в другой день. Междуцарствие сокращало срок полномочий избранных под руководством интеррекса консулов на время своей продолжительности.

Проведением выборов и вступлением в должность избранных магистратов (консулов или военных трибунов с консульской властью) завершалось функционирование института *interregnum*, предотвращавшего анархию, обеспечивавшего преемственность и непрерывность власти в соответствии с конституционными основами Римской республики и являвшегося одним из факторов ее стабильного существования.

⁷⁴ Mommsen Th. *Römische Chronologie*. B., 1859. S. 100.

⁷⁵ Целлер М. Римские государственные и правовые древности. М., 1894. С. 132.

⁷⁶ Unger. *Op. cit.* S. 330.

⁷⁷ Jahn. *Op. cit.* S. 31.

CONSUL'S ELECTIONS CONDUCTED BY AN *INTERREX*

V.V. Dementyeva

The author maintains that there were no legal limitations for the first *interrex* in conducting the elections of the supreme ordinary magistrates, but it was impossible to accomplish their election and inauguration in five days. The author denies that *interrex's* being appointed without auspices could be an obstacle for him to conduct elections, nor can we doubt in any other way about his competence. The very fact that the second *interrex* and the following ones used to *comitia habere* does not imply that the first one had no right to do it.

It is argued that the *interrex* could supervise one consul's elections, though it was more usual for him to take care of both consuls' elections. Presiding over the electoral *comitia* the *interrex* acted according to the political interests of the *patres*. Consequently, *interregnum* was used as an instrument of patrician policy (especially before late 4th c. BC), as well as in political struggle between different factions of the political elite. The tribune's *intercessio*, not valid in respect of the *patres* during an *interregnum*, was applicable to the *interrex's* actions.

The article gives statistic and chronological data on *interregnum* in the Republican period. The author concludes that consul's elections during *interregnum* ensured the continuity of legal power, prevented anarchy and was a stabilizing factor in the political life of the *civitas*.